

**МАРТА
ЯСКОП**
**Код
доступна**

Москва
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Я81

Оформление серии *А. Дурасова*

Редактор серии *В. Горюнова*

При участии «Антон Чиж Book Producing Agency»

Яскол, Марта.

Я81 Код доступа / Марта Яскол. — Москва : Эксмо, 2023. — 288 с.

ISBN 978-5-04-162439-2

Маруся Левкова едва оправилась от недавних трагедий, поразивших маленький городок Чкаловск, как тут же снова происходит нечто страшное — в темной подворотне убит и ограблен пожилой мужчина. Маруся по воле случая знакомится с другом погибшего и вновь затевает опасное расследование, потому что не может оставаться в стороне. Начиная распутывать тайны, она еще не подозревает, что ей предстоит окунуться в прошлое — в тяжелые годы войны — и столкнуться с жестоким убийцей.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-162439-2

© Яскол М., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Все персонажи, место действия и события, кроме общеизвестных, вымышлены, любые возможные совпадения случайны.

...Марусе удалось разобрать доски достаточно, чтобы понять, что они скрывали большую, выложенную изнутри кирпичом яму, похожую на колодец. Луч фонарика выхватил из темноты уходящие вниз деревянные ступени. Дно колодца тонуло в полумраке. Разглядеть удалось только, что оно завалено мусором. Там, внизу, вполне мог располагаться лаз в подземный ход, куда-то же вели эти ступени?

Маруся спрятала фонарик в карман и, держа руками за край ямы, осторожно поставила ногу на ступеньку. Выдержит? Постояла, выжидая. Глаза привыкли к темноте, которую разжигал только свет висящей высоко в ночном небе полной луны, и начали различать контуры окружающих предметов. Переместилась на ступеньку ниже. Чтобы спуститься еще ниже, придется отпустить руки, которыми она держалась за край ямы. Эх, была не была, как говорится, бог не выдаст, свинья не съест. Отпустив руки, Маруся начала нащупывать ногой следующую опору. Ступенька за-

трещала, Маруся взмахнула руками в отчаянной попытке как-то устоять, однако не удержалась и рухнула на самое дно ямы, оказавшейся глубже, чем показалось вначале.

Когда шок от падения миновал, Маруся попыталась оценить, во что влипла на этот раз. Вот тебе и «свинья не съест»! Влипла, точнее, угодила она в грязное крошево из дерева, кирпича и мусора и при этом, похоже, повредила ногу. Ноги в зимних ботинках оказались по щиколотку в воде. От верхнего края ямы ее отделяли метра четыре, если не больше, и несколько полусгнивших ступенек. Шанс выбраться с их помощью был мизерный, но Маруся им все же воспользовалась. Подвели и нижняя ступенька, которая сломалась, как только она попыталась на нее наступить, и ушибленная нога. Теперь следующая, пока еще целая, хоть и весьма хлипкая на вид, ступенька располагалась на такой высоте, что до нее не допрыгнуть, как ни исхитряйся. Маруся провела ладонями по выложенным кирпичом стенкам ямы — уцепиться не за что.

Она посмотрела вверх: чернота, ни единого проблеска.

— Лю-ю-юди! Кто-нибудь! Помогите-е-е! — прокричала Маруся, запрокинув голову.

Ответом ей стала тишина. Да и откуда здесь взяться людям? Кричи не кричи — никто не услышит и не придет на помощь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

С нечаянно задетой еловой ветки на Марусю обрушился ледяной водопад. Б-р-р! Хорошо, до дома рукой подать, можно будет развесить на просушку пальто, согреться горячим чаем и вздремнуть после ночного дежурства...

На вопрос, какой месяц в году самый противный, Маруся ответила бы не раздумывая. Ноябрь. Золотая осень позади, а до начала весны — подснежников на проталинках, голубизны неба и вкусного весеннего воздуха — еще надо дожить. Доживем, куда денемся! Но пока голые ветви деревьев, низкое серое небо и клочки грязного снега под ногами навевают лишь грусть-тоску. Хотя, возможно, просто сказываются усталость и недосып.

К счастью, через два дня начинается зима, а это уже совсем другое дело. Декабрь, особенно его вторая половина, — это предпраздничная суета, беготня по магазинам в поисках подарков,

блеск елочных игрушек и таинственное мерцание дождика, запах хвои и мандаринов... А двадцать первого декабря еще и зимнее солнцестояние, после которого день начинает потихоньку, по минутке, прирастать, а ночь, напротив, убывать. По словам Марусиной бабушки, именно с этого момента «дело идет к лету». Несмотря на то, что впереди еще минимум два стылых и вьюжных зимних месяца.

Весной, в марте, будет ровно год, как Маруся Левкова приехала в Чкаловск и приступила к работе вольнонаемным врачом в гарнизонном госпитале. До того она работала в окружном госпитале в Киеве — осталась там после прохождения интернатуры. К решению кардинально сменить обстановку подтолкнула личная драма, о которой Маруся вспоминать не любила.

Приехала в марте, а в конце лета волей-неволей оказалась в водовороте событий, которые надолго запомнились жителям Чкаловска, небольшого городка в Калининградской области.

Зато теперь и на работе, и на личном фронте у Маруси полный штиль. Ну, или почти полный...

С работы Маруся всегда ходила через городской парк. Летом она с удовольствием прогуливалась по обрамленным ожерельями фонарей дорожкам и наблюдала за утками, плавающими

в ухоженном прудике. Именно в этом парке произошли некоторые из тех самых драматических событий, которые Маруся не забудет, наверное, до конца жизни. Однако парк от этого не потерял для нее своей притягательности.

Зимой на парковых аллеях не увидишь праздно гуляющих, лишь редкие прохожие спешат по своим делам. Никто не любит замерзшим прудиком, не отдыхает на скамейках... А вот и нет, на дальней скамейке, кажется, кто-то сидит. И как ему не холодно?

Поравнявшись с единственной занятой скамейкой, Маруся бросила быстрый взгляд на сидящего. Пожилой мужчина, одет прилично — в темное добротное пальто и нутриевую шапку, шея обмотана темно-синим шарфом ручной вязки. Сидит как-то странно — боком, привалившись к спинке скамейки. С ним все в порядке?

— Пить надо меньше, — проворчала идущая навстречу Марусе женщина, по глаза укутанная пуховым платком. — Вот бесстыжие, с утра уже zenки заливают. Пьянь подзаборная!

Осуждающе махнув рукой в варежке, женщина заторопилась прочь.

На пьянь подзаборную мужчина в синем шарфе был совершенно не похож. Маруся осторожно приблизилась. Да и не пахнет от него ни-

чем, кроме одеколona «Шипр», — знакомый запах, сосед по квартире Коля Шведов пользуется таким же...

Лицо мужчины было серым, лоб покрыт испариной.

— Товарищ, — Маруся коснулась плеча мужчины, — вы плохо себя чувствуете? Где у вас болит?

— Здесь ж... жжет, — прижимая руку к груди, слабым голосом ответил тот, — и дышать... нечем...

— Э, да у нас тут, видимо, сердечный приступ, — пробормотала Маруся. — Первый раз с вами такое?

— П-первый, — одними губами ответил мужчина.

— Так, без паники, я мигом, — нарочито бодрым тоном произнесла Маруся, оглядываясь по сторонам.

На счастье, по соседней аллейке шли, держась за руки, парень и девушка. Они, казалось, не замечали не только мороза, но и вообще ничего и никого вокруг.

— Ребята, тут человеку плохо! — крикнула им Маруся. — Нужно «скорую» вызвать, телефонная будка там! За углом! Прошу вас, быстрее!

— Мы сейчас! — Парочка резко развернулась и припустила в указанном направлении.

Маруся склонилась над мужчиной. Помогла ему сесть удобнее, ослабила намотанный на шею шарф. Достала из сумки пачку аспирина и пузырек с нитроглицерином.

— Это разжевать и проглотить. — Маруся сунула мужчине в рот таблетку аспирина и подождала, пока он послушно ее разжует. — Нитроглицерин под язык. И дышите, дышите глубже!

Прошла уже, наверное, целая вечность, а «скорая» все не ехала. Вдруг мужчина закрыл глаза и стал заваливаться набок. Его лицо, начавшее было розоветь, снова посерело.

— Стоп, мы так не договаривались. — Маруся не без труда уложила мужчину на скамейку, подложив ему под плечи его шарф, свернутый валиком. — Я же просила вас дышать, что ж вы не дышите-то!

Она глубоко вздохнула и начала делать ему искусственное дыхание. Прodelывать это в парке, на морозе, ей еще не приходилось. Впрочем, холода она уже не чувствовала. «Все будет хорошо. Я его вытащу», — пронеслось в голове. Откуда она это знала? Откуда-то знала. И вместе с воздухом вдыхала в незнакомца свою уверенность. Между вдохами Маруся прижала пальцы

к ледяному запястью мужчины. Пульс не прощупывался. Она расстегнула верхние пуговицы его пальто и деловито приступила к непрямому массажу сердца.

— Раз, два, три, четыре... — громко считала Маруся.

Пять толчков — пауза. Еще пять толчков — снова пауза. Пятнадцать толчков — два вдоха. Снова массаж. И сердце незнакомца откликнулось — застучало ровнее. Лицо из землисто-серого превратилось просто в бледное, короткие белевые ресницы дрогнули.

— С возвращением, — прошептала Маруся.

Спустя секунду раздался самый прекрасный для нее в тот момент звук на земле — вой сирены «скорой помощи»...

Маруся попросила врача «скорой» отвезти незнакомца в госпиталь: во-первых, мол, она там работает, а во-вторых, госпиталь от места происшествия гораздо ближе, чем городская больница, до которой человека с инфарктом есть риск не довезти. Через пятнадцать минут она уже вбегала вслед за каталкой в приемное отделение.

— Инфаркт, похоже, везите его скорее в реанимацию! — крикнула Маруся заметавшимся медсестрам. — Кто сейчас дежурный врач?

На пороге реанимационного блока она столкнулась с начальником госпиталя майором Вороновым, облаченным в белый халат. Каталку завезли в блок.

— Маруся? — удивленно поднял брови Воронов. — А разве твое дежурство еще не закончилось? Я же видел, как ты уходила...

— Ты снова за мной шпионил? — вспыхнула Маруся. И после паузы добавила: — Да, пришлось вернуться.

— А кого это ты привезла? — не унимался Воронов. — Что с ним? И где ты его нашла?

— На улице. В парке на скамейке. Сердце схватило, думаю, инфаркт. Дай мне пройти, я должна убедиться, что там все сделают как нужно!

— Незачем тебе туда идти, с ним все будет в порядке! Я разберусь. — Воронов успокаивающе положил руку Марусе на плечо. — Ты у нас и мертвого поднимешь... с парковой скамейки. Иди-ка лучше домой отдыхать, всю ночь и все утро на ногах же ж.

В его зеленых в крапинку глазах — ну что за странный цвет! — прыгали чертики.

— А вам, товарищ майор, лишь бы ерничать. — Она дернула плечом, сбрасывая его руку. — Я и без вас знаю, куда мне идти! Вот возьму и пойду... домой!

Резко развернувшись, Маруся вскинула голову и пошла по коридору. Она представляла, как выглядит со стороны: румянец во всю щеку, изящная — благодаря высоким каблукам сапог — походка, полы длинного фиолетового пальто с отороченным пушистым мехом капюшоном эффектно развеваются... Совокупность всего этого призвана была произвести на начальника госпиталя глубокое впечатление. Промаршировав до конца коридора, Маруся споткнулась и чуть не подвернула ногу. Чертовы каблуки! Модные, да, но неудобные же ужасно!

Если б она оглянулась, то увидела бы, как глубоко впечатленный Воронов с досады махнул рукой и сокрушенно покачал головой...

2

На следующий день, придя на работу, Маруся первым делом навестила своего нового пациента.

Откровенно говоря, под громким названием «реанимационный блок» в госпитале подразумевалась небольшая палата, предназначенная для самых тяжелых больных. Для тех, кого приходилось практически вытаскивать с того света. От

обычных палат эта отличалась наличием аппарата для ИВЛ — искусственной вентиляции легких, двух дефибрилляторов и особой гордости начго-спиталья Воронова — кардиомониторной системы, не новой, но еще вполне рабочей.

В реанимационном блоке стояли всего две койки. Одна из них, аккуратно застланная, пустовала. На другой лежал под капельницей одетый в полосатую пижаму мужчина с щедро посеребренной сединой шевелюрой и легкой седой щетиной на впалых щеках. Выглядел он уже получше, чем накануне в парке. Едва переступив порог, Маруся почувствовала на себе его внимательный взгляд.

— Здравствуйте. — Она пододвинула к койке стул и села. — Левкова Мария Васильевна, ваш лечащий врач. Как вы себя сегодня чувствуете?

— Полевой Иван Трофимович, полковник МВД в отставке, — пациент попытался приподняться.

— Лежите, лежите!.. Знаю, — кивнула Маруся, — видела ваше удостоверение. Приятно познакомиться.

— И я очень рад нашей вчерашней встрече, — взгляд Полевого потеплел, — для меня, можно сказать, судьбоносной. Спасибо вам, Мария Васильевна. Если б не вы, я бы, наверное, сегодня себя уже никак не чувствовал.

— Вы шутите, и это хорошо, — улыбнулась Маруся.

— Сестричка мне все рассказала. Если б не вы... — повторил Полевой. — Благодарность вам и от меня, и от супруги моей, Клавдии Матвеевны...

— Ну, что вы, Иван Трофимович, — смутилась Маруся, — это же моя работа. Кроме того, наша Катя любит сгущать краски. Давайте-ка лучше я вас осмотрю, давление померяем. А потом вы расскажете мне, что же с вами вчера такое приключилось...

По словам бывшего следователя, а ныне пенсионера Ивана Трофимовича Полевого, сердечный приступ у него случился, вероятно, по причине переживаний — из-за смерти друга и сослуживца Семена Захарова, приехавшего к нему в Чкаловск на несколько дней погостить. Неделю назад на Семена напали с ножом в темной подворотне. Видимо, с целью ограбления — забрали небольшую сумму денег, наручные часы и дорогой наградной портсигар. Друг Ивана Трофимовича был еще жив, когда прохожие вызвали «скорую», но вчера утром в больнице скончался.

Переживал Иван Трофимович, конечно, страшно. Вот сердце и не выдержало.

— Я все понимаю, — с горечью произнес Полевой. — Напали, пырнули ножом, ограби-

ли... Сам в свое время не одно такое преступление расследовал. Но в этом деле есть одна странность. Перед смертью Семен ненадолго пришел в себя и выговорил странную фразу. Ее санитарка, которая возле него дежурила, запомнила, а потом на всякий случай записала. Он сказал буквально следующее: «Сурок проснулся, рыжий кот...»

— Сурок? Какой сурок? — удивилась Маруся.

— Вот и я думаю — какой? Где он мог этого самого сурка увидеть? Никаких сурков ни у Семена, ни у нас в хозяйстве отродясь не водилось. Зоопарк в Чкаловске тоже нет, да и какой зимой зоопарк?..

— А кот? Кот у вас есть? — уточнила Маруся.

— Кот есть, — сознался Иван Трофимович. — Барсик. Красавец, сам черно-белый, глаза голубые, шерсть длинная... Умнющий! Знатный котяра. Моя Клавдия Матвеевна души в нем не чает. А он в ней. Но с чего бы Семен стал перед смертью нашего Барсика поминать? Да и не рыжий он. Не понимаю!

— А в милиции что говорят? — спросила Маруся.

— Завели, как водится, дело. Говорят, ищут убийцу. Найдут ли? По своему опыту знаю, что такое дело имеет много шансов превратиться в висяк. И меня, как назло, угораздило свалить-

ся, лежу тут бревном, не могу ничего сделать, ничем помочь!

Полевой в отчаянии хлопнул ладонью по одеялу. Вид у него был крайне расстроенный.

— Иван Трофимович, вы очень поможете всем, и в первую очередь вашей Клавдии Матвеевне, если быстрее подниметесь на ноги. А для этого вам нужно перестать нервничать, — наставительно сказала Маруся. И неожиданно для самой себя добавила: — Я... подумаю, что можно сделать. Даю вам слово.

В палате было тепло, но Маруся почувствовала озноб. Она хорошо помнила, что уже ощущала нечто подобное, когда занималась своим первым делом. Делом о четырех убийствах¹, как она его называла... В рассказе Полевого была загадка, над которой действительно стоило поразмыслить. Но желательно в свободное от работы время, иначе нагоняев от начальника госпиталя ей не избежать...

3

Отношения с майором Вороновым у Маруси складывались непросто со дня их знакомства — ее первого дня работы в чкаловском госпитале.

¹ Подробности дела можно узнать в романе Марты Яскол «Поправка на ветер». — *Прим. ред.*

Вначале ей казалось, что Андрей Воронов не доверяет ей как профессионалу. Потом информированные люди сообщили Марусе, что майор Воронов не так давно развелся с женой, которая то ли ему изменила, то ли подсунула свинью, то ли и то, и другое разом. Поэтому какое-то время Маруся считала отношение к ней начальника госпиталя проявлением его недоверия к женщинам вообще. Она, конечно, была против подобных обобщений, но не запретишь же человеку заблуждаться!

С другой стороны, Маруся сама пережила предательство. Чуть ли не накануне свадьбы застала жениха Вадика в постели со своей лучшей подругой. Лишившись в одночасье и жениха, и лучшей подруги, Маруся решила перевернуть ту страницу своей жизни, так она и оказалась в Чкаловске.

То есть Воронова она понимала и в какой-то степени ему сочувствовала. Однако вскоре Маруся заподозрила, что дело не в недоверии к женщинам вообще или к ней как к молодому специалисту в частности, а в чем-то другом. Она дала себе слово разгадать эту загадку. Месяц-другой выжидала, предоставив событиям развиваться своим чередом. За это время душевная рана затянулась, видимо, она была не столь глубока, как

полагала несостоявшаяся невеста. А может, исцелению действительно способствовала смена обстановки.

Вскоре Маруся в спорах с самой собой устала отрицать, что Воронов, несмотря на некоторые, мягко говоря, странности в его поведении, ей небезразличен. Почему-то казалось, что и она ему тоже...

Странности в поведении Воронова получили совершенно неожиданное для Маруси объяснение: начальник госпиталя, видите ли, подозревал ее в том, что она его подсиживает и стучит на него вышестоящему руководству! Маруся сильно на него обиделась, не помогло даже признание Воронова в том, что она ему очень нравится. Дескать, познакомившись с ней поближе, он убедился в ее открытости и искренности. Потом события уже не просто развивались, а понеслись кувырком: Марусю чуть не зарезал хладнокровный убийца, Воронов сделал ей операцию и спас жизнь. Маруся тогда думала, что счастье близко и возможно...

Беда пришла откуда не ждали: в лице нового физиотерапевта Маргариты Колышкиной, переведенной в Чкаловск из Забайкалья. Колышкина сразу попросила коллег называть ее Марго, вероятно, воображала себя героиней книги Дюма

«Королева Марго». Книги, к слову, весьма популярной и дефицитной: чтобы ее приобрести, отечественным библиофилам нужно было собрать целых двадцать килограмм макулатуры!

У Марго были густо накрашенные тушью «Ленинградская» ресницы, выщипанные в ниточку брови, алые губы и ногти, рыжие локоны и пышный бюст. Да уж, у Маруси был другой, по выражению ее мамы, типаж...

Марго моментально положила на начальника госпиталя глаз, провела рекогносцировку, смекнула, кто стоит на ее пути к его сердцу, и стала прилагать недюжинные усилия, чтобы привлечь внимание Воронова, а заодно поссорить его с Марусей. То пирожки домашние подсунет: «Сегодня утром испекла, с картошкой, как вы любите, Андрей Владимирович!» То совета по работе попросит: «Редко встретишь такого профессионала, как вы, Андрей Владимирович!» То как бы невзначай настучит начальнику госпиталя на Марусю: «Знаете, Андрей Владимирович, Чеменев из третьей палаты на процедурах сам не свой был. Говорил, Левкова назвала его жалобы капризами и вообще была с ним груба...»

С Марусей Колышкина разговаривала подчеркнуто вежливо, но смотрела при этом вызывающе. Змея, словом. Откуда только такие берутся?!

Маруся делала вид, что выпады Марго ее несколько не задевают, и надеялась, что Андрей доносам не верит. Но капля ведь и камень точит...

Чашу Марусиного терпения переполнила сцена в кабинете у начальника госпиталя, невольным свидетелем которой Маруся стала неделю назад. Она легонько постучала и, не дожидаясь ответа, вошла в кабинет. Воронов стоял к двери спиной, а на кушетке, не спеша застегивая блузку, сидела Марго.

— Мария Васильевна, вас стучаться, входя в кабинет к начальству, не учили? — с плохо скрываемой радостью спросила она.

— Я стучала, — ответила Маруся, изо всех сил борясь с желанием закатить жуткий скандал, — но у кого-то, видимо, проблемы со слухом. И с совестью.

У Маруси возникло ощущение дежавю. Сцена в кабинете начальника госпиталя была не такой откровенной, как та, которую Маруся застала год назад в комнате жениха Вадика в аспирантском общежитии. Однако и эта диспозиция истолковывалась, по ее мнению, совершенно однозначно.

«Спокойно, спокойно, — уговаривала она себя, — я не стану унижаться перед этой крашеной с-су... кикиморой. Не дождется, королева макулатурная! Я не доставлю ей такого удовольствия!»

— Что ж, Андрей Владимирович, вижу, вы оч-чень заняты, — как ни в чем ни бывало резюмировала Маруся. — Зайду позже. Возможно.

Выходя, она хлопнула дверью так, не специально, ни в коем случае, всему виной сквозняк, что в кабинете у начгоспиталя зазвенели стекла, а в стеклянном шкафу с лекарствами, кажется, что-то упало и разбилось. Маруся не сделала и пяти шагов, как дверь снова хлопнула, и из кабинета вылетел Воронов. Он догнал Марусю и схватил ее за руку.

— Маруся, ты чего? Ты все неправильно поняла!

— Андрей, меня тошнит от этих банальных пошлостей! — Маруся попыталась вырвать руку, но он не отпустил. — Успокойся, ты мне в любви и верности не клялся, я к тебе претензий не имею!

— Да послушай ты меня! — с досадой выговорил Воронов. — Марго пожаловалась, что у нее болит спина. Сказала, что подозревает смещение дисков, попросила посмотреть. Ну, я и... Это была всего лишь консультация, слышишь — кон-суль-та-ци-я! Человек нуждался в медицинской помощи! А я врач! И это, в конце концов, моя специализация!

— Как это трогательно! — умилилась Маруся. — Марго поманила, и ты по первому ее зову... Я так и поняла, что ваша, Андрей Владимирович, специализация — новенькие сотрудницы! А перед крашеными в рыжий цвет с-су... сотрудницами с красным маникюром вы просто не можете устоять! И с еще кое-чем... на чем кофточка трещит!

— Маруся, ну что за детский сад! Да, она снимала кофточку, но я-то был полностью одет!

— Да что вы? Простите, не успела разглядеть. Но это, конечно, аргумент! — саркастически усмехнулась Маруся. — Все, я не желаю больше об этом говорить. И у меня дел по горло, а вы, Андрей Владимирович, возвращайтесь в свой кабинет. Вас там, наверное, ждут не дождутся... нуждающиеся в помощи!

За неделю, прошедшую после той размолвки, Маруся, конечно, не раз задалась вопросом: а может, Андрей говорил правду и это действительно была всего лишь консультация? По крайней мере, с его стороны, в том, что со стороны Марго это была провокация, Маруся не сомневалась. Но обида еще не утихла, по-прежнему клубком шевелилась в груди. Выходит, обида может быть сильнее любви? Или любовь должна быть все-таки сильнее?..

4

Говорят, человек счастлив, если утром с удовольствием идет на работу, а вечером с наименьшим удовольствием возвращается домой. Если это правда, то Марусю, пожалуй, можно было назвать счастливым человеком.

Чкаловск, небольшой и уютный, сохранивший обаяние старинного немецкого городка, ей очень нравился. В гарнизоне размещались несколько воинских частей, самой крупной из которых был авиационный истребительный полк. Должность начальника гарнизона Чкаловска занимал командир авиаполка, полковник Дремов, давний друг и сослуживец Марусино отца.

В Чкаловске Марусе дали комнату в трехкомнатной коммунальной квартире на втором этаже старинного двухэтажного дома неподалеку от исторического центра городка.

Другую комнату в Марусиной коммуналке занимали прапорщик Николай Шведов с женой Татьяной, в третьей еще недавно обитал заместитель начальника гарнизона подполковник Савчук с супругой Адой Борисовной. Однако около двух месяцев назад Савчуки съехали в полагавшуюся им отдельную квартиру, наконец-то отремонтированную. А в коммуналке появились новые

обитатели — семья Кузнецовых: Иван, Светлана и двенадцатилетний Митька.

С Митькой и его мамой Маруся познакомилась, можно сказать, при чрезвычайных обстоятельствах. Было хмурое октябрьское утро, она пришла домой с ночного дежурства. Переобуваясь в домашние тапочки, заметила на полу прихожей неровную цепочку красных пятнышек, напоминающих кровь. Замерев на месте, Маруся поискала глазами что-нибудь тяжелое, но нашла только швабру. Вооружившись шваброй и стараясь как можно тише дышать, она на цыпочках — тапочки так и остались стоять под вешалкой — двинулась вдоль кроватной цепочки.

Следы вели вглубь квартиры и обрывались возле двери комнаты, в которой еще недавно жили супруги Савчуки. Дверь оказалась приоткрытой. Маруся прислушалась.

— У-у-у-йю!.. Ой-йю-йю-ой!.. У-у-у!.. — доносилось из комнаты.

Маруся прислушалась. Всхлипывания стали громче. Держа швабру на всякий случай перед собой, она рывком распахнула дверь и заглянула внутрь.

На табуретке возле стола, стоявшего посреди комнаты, сидел худенький мальчишка лет двенадцати. Светлые взлохмаченные волосы, сопли-

вый нос, в больших серых глазах — испуг и боль. Мальчишка раскачивался из стороны в сторону и подвывал. Правой рукой он поддерживал левую, из которой на свежeweымытый пол капала кровь. Сквозь дыру в рукаве фланелевой клетчатой рубашки виднелась довольно большая рваная рана.

— Ты кто? — спросила Маруся, отставляя швабру в сторону.

— Ми-и-итька, — ответил сероглазый, морщась от боли, — а ты кто?

— А я Маруся. Ты, что ли, наш новый сосед? А с рукой что? Как это тебя угоразило?

— Через жабор леж, а там гвоздь торчал, — сквозь стиснутые зубы выговорил Митька и вытер нос уцелевшим правым рукавом.

— Еще и ржавый гвоздь, наверное? — уточнила Маруся. — Так, сиди здесь, никуда не уходи, я быстро!

Она сбегала к себе в комнату за перекистью, бинтами и зеленкой. Вернувшись, промыла Митькину рану перекистью, обработала ее края йодом, закрыла рану стерильной марлевой салфеткой и начала перебинтовывать.

— Через жабор леж, — передразнила Митьку Маруся. — А ходить, как все нормальные люди, не пробовал? Что тебе там, за чужими заборами, медом мазано?

— Не люблю мед, — скривился Митька. — Ай, больно!

— Терпи, казак! — Маруся завязала концы бинта узелком, еще и аккуратным бантиком, и полюбовалась результатом. — Мед он не любит! А варенье? Приглашаю тебя в гости на чай с вареньем, заодно отметим наше знакомство. У меня есть вишневое и абрикосовое, бабушка варила. Вкуснотища! Какое будешь?

— Вишневое, — поразмыслив, ответил Митька. — И абрикосовое.

Вскоре он уже сидел за столом в Марусиной комнате, держа в здоровой руке булку, намазанную маслом и вареньем. С аппетитом откусывая от булки и прихлебывая чай, Митька рассказал, что его отец, Иван Антонович, — штурман эскадрильи, а мама, Светлана Николаевна, — повар. Раньше они жили в Белгороде, и там у него было много друзей и в школе, и во дворе. Потом отца перевели в Чкаловск, а в Чкаловске у Митьки друзей пока нет. Да и откуда им взяться, если он здесь всего только второй день?

— Ничего, обзаведешься, — улыбнулась Маруся, — ты, как я погляжу, парень компанейский...

Говорить о школьных предметах Митька отказался наотрез, беседу о книжках поддерживал

вяло, сказал, правда, что ему нравятся «Два капитана», что он тоже хочет летать, как отец и как главный герой «Двух капитанов» Саня Григорьев. Зато рассказывая о любимой игре «казаки-разбойники», Митька оживился и явно почувствовал себя свободнее, к тому же Маруся проявила к тонкостям игры неподдельный интерес.

Когда гость допивал вторую кружку чая, в комнату, постучавшись, вошла молодая миловидная женщина с такими же, как у Митьки, серыми глазами и светлой косой, обернутой вокруг головы.

— Здравствуйте, я Кузнецова Светлана, можно просто Света, — протягивая Марусе ладонь, сказала женщина. — Так вот вы какая! Нам товарищ полковник, начальник гарнизона, говорил: замечательная, мол, у вас соседка будет!

— Спасибо товарищу полковнику, — смущенно пробормотала Маруся. — Да вы проходите, присаживайтесь. Чаю хотите? Мы тут с вашим сыном чаевничаем...

— Я так и поняла, что мой сорванец у вас, — кивнула Светлана, садясь на краешек стула. — Ой, Митя, а это что? Куда ты снова влез?

— Ничего страшного, даже швы не пришлось накладывать, — поспешила успокоить Митькину маму Маруся. — Но в следующий раз

лучше быть осторожнее... Прививку от столбняка давно делали?

— Недавно, — вздохнула Светлана, — когда он с крыши сарая с простыней вместо парашюта спрыгнул и на кучу железяк приземлился... Это ж не ребенок, а кузнечик! Скачет и скачет, минуты на месте не усидит!

— Никакой я не ребенок! — возразил Митька. — Взрослый я уже!..

Через час Марусе казалось, что Светлану и Митьку она знает давным-давно. Маруся была рада, что в их квартиру поселили именно Кузнецовых, ей бы не хотелось делить жилплощадь с какими-нибудь снобами или скандалистами.

В тот же день она познакомилась с главой семейства — Иваном Кузнецовым, и он ей тоже сразу понравился. «Бывают же такие мужчины! — думала она. — Серьезные, надежные... не то что некоторые!»

Вскоре знакомство Маруси с Митькой переросло в дружбу — такую, какая может быть между старшей сестрой и младшим братом. Марусе всегда хотелось иметь младшего брата или сестренку. И Митька к ней тянулся, даже доверял некоторые свои мальчишеские секреты. Правда, Маруся подозревала, что самыми страшными тайнами он даже с ней делиться не спешил...

5

По дороге с работы Маруся обдумывала рассказ Ивана Трофимовича Полевого об убийстве его друга. Заходя в квартиру, она все еще размышляла, что бы означали странные слова, произнесенные другом Полевого перед смертью. «Сурок проснулся, рыжий кот...» Если о котях Маруся имела более-менее полное представление, мало того — наблюдала многих представителей кошачьего рода вблизи, то о повадках сурков она не знала почти ничего. Кроме того, что на зиму они вроде бы впадают в спячку. Но какому-то отщепенцу почему-то не спится. Почему? Чепуха какая-то...

От раздумий ее отвлек голос Митьки.

— Маруся, привет! — воскликнул он. — А что ты такая невеселая? Тебя кто-то обидел? Ты только скажи, я ему ка-а-к дам!

— Лучше скажи, ты уроки сделал, защитник? — всовывая ноги в тапочки, откликнулась Маруся.

— Успею! — махнул рукой Митька. — Мы с пацанами договорились вечером на старых развалинах полазить. Вадька Дымов говорит, там недавно призрака видели. У-у-у-у!

Митька сделал страшные глаза и поднял руки с растопыренными пальцами, изображая привидение.

— Ну вы и выдумщики! Какие еще призраки? — покачала головой Маруся. И тут же вспомнила случай, который произошел несколько месяцев назад.

В госпиталь доставили с дальних складов с боеприпасами караульного со сложным переломом ноги. Солдатик был без сознания, у него усиливался жар, начинался бред. Прапорщик, который его привез, рассказал Марусе странную историю. По его словам, часовой вроде бы увидел кого-то, проникшего на объект, сделал предупредительный выстрел, погнался за нарушителем, продолжая стрелять, но провалился в заброшенный каменный колодец. Часовой с соседнего поста слышал выстрелы и крики, но никого не видел. Следов проникновения на объект не обнаружили. Ненадолго пришедший в сознание боец успел сказать начальнику караула, что нарушитель «был белый, летучий и улетел в сторону леса».

ЧП с часовым расследовала военная прокуратура. Марусю начгоспиталю Воронов назначил военным дознавателем. Она побывала на месте происшествия, опросила свидетелей и дала чрезвычайному происшествию логичное, а главное — вполне реальное объяснение. Выяснилось, что часовой, который заступил на пост с плохим

самочувствием и температурой, надышался паров бензина, хранившегося в бочках, рядом с которыми он присел отдохнуть. Пары бензина вызывают опьянение, за которым может наступить фаза галлюцинаций. В таком состоянии можно не только летающих призраков увидеть.

— Митя, я тебя очень прошу, будь осторожен! — попросила Маруся. — И ребятам передай, чтоб на рожон не лезли. Я бы вам посоветовала вообще не ходить на развалины, но разве ж вы слушаетесь?

— Не-а, не слушаемся, — заверил Митька. — Маруся, не переживай, ниче с нами не случится! Чуть не забыл: мамка пирожков наварганила, велела тебя угостить. Пирожки в кастрюльке, кастрюлька в полотенце замотана, полотенце в кухне на столе. Угощайся, а я погнал!..

Ох уж эти призраки, не оставляют они людей в покое, думала Маруся, жуя еще теплый пирожок с капустой. Многовековая история Чкаловска, до Второй мировой войны носившего название Хайлишен, породила множество загадок и тайн. Местные жители обожали легенды о привидениях и прочих летучих существах, якобы обитавших в многочисленных прусских замках. Эти легенды периодически подтверждались оче-

видцами. То кто-то встретил Белую Даму — женщину, погибшую страшной смертью, а затем поселившуюся в родных стенах в виде призрака. То подростки, играя в войнушку, видели летевшее по воздуху странное светящееся существо, которое, когда к нему попытались приблизиться, полетело в сторону железной дороги и скрылось в проложенном через гору туннеле...

У Чкаловска имелся и собственный призрак. Правда, он не летал, а как раз наоборот — рыскал в средневековых подземельях, лишь иногда выбираясь на поверхность. Считалось, что сеть этих подземных ходов берет свое начало в замке Норденбург, построенном рыцарями Тевтонского ордена в четырнадцатом веке. Однако Норденбург располагался на холме за городской чертой, а развалины, по которым намеревался лазить Митька с друзьями, неподалеку от парка, окружающего Марусин госпиталь. Как туда добрался призрак из замка?..

6

Мама и бабушка давно просили Марусю сфотографироваться в ателье и прислать им свою фотографию, чтобы они могли поставить ее на

сервант и любоваться, пока Маруся ездит по своим гарнизонам.

Последний раз Маруся снималась в фотоателье на первом курсе мединститута, и та давнишняя фотография ей самой не очень-то нравилась. По настоянию мамы она тогда нарядилась в темную кофту с белым кружевным воротничком. Полтавский старичок-фотограф усадил Марусю в банальную, по ее мнению, позу: заставил подпереть рукой подбородок и неудобно наклонить голову. В итоге получилось, как говорится, то, что получилось: портрет напряженной старомодно одетой школьницы с испуганным взглядом.

— Через несколько лет ты себе на этой фотографии будешь казаться красавицей! — утешала расстроенную Марусю мама. — Как правило, люди по прошествии времени переоценивают свои старые фото...

Однако то ли с тех пор прошло еще недостаточно времени, то ли эта Марусина фотография стала исключением из выведенных мамой жизненных правил, но Марусе она по-прежнему не нравилась.

С учетом имеющегося неудачного опыта в этот раз Маруся решила подойти к делу ответственно. Для похода в ателье выбрала кремовую блузку с бантом, сшитую по выкройке из жур-

нала «Бурда», и плиссированную юбку. Заранее договорилась со знакомой парикмахершей Валентиной Семеновной — чтобы попасть в фотоателье сразу после стрижки и укладки, то есть с минимальным риском для прически. Благо парикмахерская, в которой работала ее знакомая, находилась недалеко от фотоателье.

С этой парикмахерской, к слову, у Маруси были связаны особые воспоминания, здесь она познакомилась с Эльзой, позже ставшей четвертой жертвой хитрого и безжалостного убийцы. Пятой его жертвой едва не стала сама Маруся, она и вычислила преступника, мало того, рискуя жизнью, участвовала в его поимке...

Эльза сделала тогда Марусе замечательную стрижку «Сэссон», прекрасно смотревшуюся на Марусиных слегка вьющихся волосах. Маруся искала альтернативу конскому хвосту, в который стягивала непослушные кудряшки, и результат стараний Эльзы ей очень понравился. Настолько, что она оставалась верна этой прическе до сих пор, хотя и немного отпустила волосы, теперь ее прическа выглядела еще более воздушной...

Фотоателье Маруся тоже заприметила давно — в глубине городского парка прятался старинный двухэтажный особнячок в готическом стиле. Внимание прохожих привлекали огром-

ное наклонное окно с северной стороны здания и витрина под вывеской у главного входа, в которой красовались несколько увеличенных портретов и пейзажей. Во всех фото чувствовалась рука мастера.

Марусе почему-то казалось, что в этом сказочном домике просто не могут делать плохие фотографии. Ателье в парке порекомендовал ей и начальник Дома офицеров Артемьев: по словам Юрия, там работает его знакомый, ветеран войны и опытный фотограф.

— В районной службе быта Ионыч считается лучшим, — авторитетно заявил Юрий и попросил передать фотографу привет.

В день, на который Маруся наметила свое мероприятие, с утра падал крупными хлопьями снег. Зимний парк, укутанный пушистым белоснежным покрывалом, выглядел невероятно красиво. Но Марусе снегопад оказался очень некстати: ей пришлось накинуть поверх свежей укладки газовый шарфик и вприпрыжку бежать от парикмахерской к фотоателье, чтобы часовые труды Валентины Семеновны за две минуты не пошли прахом.

На крыльце Маруся смахнула снег с меховой оторочки капюшона пальто, сняла косынку и толкнула дверь.

Негромко звякнул колокольчик, и она очутилась в просторном фойе с колоннами и высоким потолком. Оформленное в стиле барокко помещение — с пилястрами, лепниной, большой люстрой, тяжелыми бархатными гардинами на окнах и развешенными по стенам фотографиями в массивных рамах — показалось Марусе слишком уж вычурным. Из боковой двери на звук колокольчика вышла невысокая сухонькая старушка со стянутыми в узел блеклыми волосами и в накинутой на плечи теплой шали.

— Здравствуйте, вы хотите сфотографироваться? — Старушка оценивающе посмотрела на посетительницу. По-видимому, это была приемщица заказов.

— Вы угадали, — улыбнулась Маруся, в нерешительности переминаясь с ноги на ногу на пороге.

— Проходите, раздевайтесь, здесь тепло. Нужно немного подождать, фотограф проявляет пленку, освободится минут через десять. Вы как раз успеете подготовиться, — старушка величественным жестом указала на зеркало, такое же старинное, как и весь здешний интерьер. — Можете также полистать альбомы, выбрать образ. Вы уже знаете, как хотите сфотографироваться?

— Хотелось бы портрет и фотографию в полный рост, это возможно? — снова улыбнулась Маруся.

В этом ателье даже приемщица гораздо больше походила на учительницу музыки из института благородных девиц. По крайней мере, Маруся, окончившая обычную советскую школу, считала, что учительницы музыки из дореволюционных пансионатов выглядели именно так.

— У нас возможно все, — старушка гордо вскинула подбородок, а затем бросила на Марусю критический взгляд. — И нужно, чтобы ваше лицо отошло от мороза. Меня можете называть Любовь Павловной. Пойдемте, покажу вам павильоны, быть может, выберете какой-нибудь фон.

Она с неожиданной грацией повернулась и пошла впереди Маруси, по пути щелкнув выключателем.

— Вот павильон для ростовой съемки, здесь есть разные задники — море, горы, старинный замок... Есть красивые кресла, столики, бутафорские колонны, скульптура Аполлона и Венеры...

Маруся с удивлением оглядывала павильон, уставленный огромными софитами и экранами — белыми и серебристыми. «Кажется, такие экраны называются отражателями», — мимоходом подумала она. Прожекторы свисали даже

с потолка. Посреди зала возвышалась монументальная деревянная фотокамера с кожаными мехами, водруженная на тележку с колесиками, рядом притулилась камера поменьше на деревянной треноге.

На задней стене красовался морской пейзаж с парусником на горизонте.

Вдруг Любовь Павловна остановилась и прислушалась. Где-то приглушенно мяукал кот.

— Извините, мне надо впустить Бисмарка. — Любовь Павловна отодвинула занавес у задней стены, за которым обнаружилась небольшая дверь. Щелкнула щеколда, и с улицы степенно вошел большой пушистый котяра цвета кофе с молоком, припорошенный крупными снежинками. Он недовольно глянул на Любовь Павловну, что-то мявкнул в адрес Маруси и гордо прошествовал в одному ему известном направлении.

— Иди-иди, Бася, покушай, — заискивающим голосом произнесла Любовь Павловна, ежась от хлынувшего в открывшийся проем морозного воздуха, и заперла дверь.

— Бисмарк — наш любимец, — известила она Марусю, — спасает нас от нашествия крыс и мышей, без него мы бы с ними не справились... Однако я отвлеклась, пойдёмте на второй этаж,

там у нас еще один съёмочный павильон и комната ожидания.

Зал наверху — со множеством зеркал, мягкими креслами и вешалками — впечатлил Марусю не меньше. Массивная гардина скрывала вход во второй съёмочный павильон, еще просторнее первого и с огромным, во всю стену, наклонным окном. Вероятно, тут можно было делать групповые снимки.

— Здорово тут у вас, — восхитилась Маруся, — можно весь наш танцевальный ансамбль сфотографировать в костюмах...

Со стороны лестницы послышались тяжелые шаги и скрип разошедшихся деревянных ступенек. В павильон вошел худощавый седой мужчина лет шестидесяти, в светлой рубашке, синем матерчатом фартуке и такого же цвета нарукавниках. В руках он нес огромные деревянные кассеты от павильонной фотокамеры.

— О, у нас клиентка? — приветливо улыбнулся мужчина. — Любовь Павловна, вы уже познакомили девушку с нашими павильонами? Разрешите представиться, Василий Ионович Гвоздарев, фотограф. — Он сунул кассеты под мышку и протянул руку, которую Маруся пожала. — Я смотрю, вы неплохо подготовились, как называется ваша прическа? Прелэстно, прелэст-